



# У КОШКИ 9 ЖИЗНЕЙ

Книга 2

ОЛЕСЯ ШАНТИ

Олеся Шанти

**У Кошки 9 жизней. Книга 2**

«Издательские решения»

## **Шанти О.**

У Кошки 9 жизней. Книга 2 / О. Шанти — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902671-2

Что делать, если привычная жизнь в одночасье рухнула? Если непонятно, где правда, а где ложь, и не у кого спросить совета? Лишь серебряный гребень с сапфиром, таинственный подарок, доставшийся при рождении, подскажет путь. Катю ждут невероятные приключения и нелегкие испытания, радости и потери. Меняются страны, люди, обстоятельства, но одно остается неизменным — несмотря ни на что Катя будет искать правду, стремиться к свету и, даже не замечая этого, преобразать жизни других людей...

ISBN 978-5-44-902671-2

© Шанти О.  
© Издательские решения

# Содержание

Часть IV	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# **У Кошки 9 жизней Книга 2**

**Олеся Шанти**

© Олеся Шанти, 2020

ISBN 978-5-4490-2671-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть IV

### Глава 1

#### Поздний вечер в Сорренто

– Селеста!

Незнакомое имя на мгновение пронзило дремлющее сознание Кати, и эхом разлетелось по сторонам.

– Вот негодница! Селеста! Да куда ж ты запропастилась?!

Очередной приступ крика заставил девочку распахнуть глаза и оглядеться.

Неведомым образом она очутилась в небольшом селении, домов в тридцать, сиротливо притулившемся в нескольких метрах от дороги. Вокруг же, куда не бросишь взгляд, раскинулись бескрайние поля, кое-где перемежавшиеся одинокими деревьями.

Девочка была так увлечена разглядыванием окружающей ее местности, что не сразу сопоставила режущие уши вопли со своей собственной персоной. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. С того момента, как Катя очутилась в своей новой жизни, прошло буквально несколько минут, и потому имя Селеста ей ни о чем не говорило. Во всяком случае – пока.

Внезапно дверь домика, около которого оказалась наша героиня, со скрипом распахнулась, и на пороге возникла невысокая полная женщина с растрепанными волосами и гневно сверкающими глазами. Руки, полные и красные, уперлись в бока, тело напряглось как будто как перед схваткой, а босые ступни угрожающе постукивали по полу.

Все в облике незнакомки говорило о том, что она страшно рассержена. И едва Катя попыталась понять, что собственно случилось, как женщина заметила ее присутствие и медленно двинулась вперед. И хотя девочка видела ее впервые за всю свою жизнь, нетрудно было догадаться, что намерения у женщины не самые дружелюбные.

– Нет, вы только поглядите! – взвизгнула незнакомка. – Я с раннего утра как заведенная, а она тут сидит, прохлаждается! Мало тебя братец лупил, ой мало!

Катя вскочила на ноги и инстинктивно попятилась. И чем она не угодила этой красной от гнева женщине? Но девочка недолго пребывала в сомнениях, незнакомка оказалась на редкость говорливой и тут же обрушила на голову Кати целый поток информации.

– Вот была бы ты моей дочерью, я всю дурь-то из тебя выбила. А так конечно – тетя Агата нам не указ! Вот как убирать, стирать, готовить, на рынке торговать, так тут нужна, а как хоть немного помочь – никого не дозовешься! Ни Николо, всю душу уже пропил, прости господи, ни дочка его непутевой! Ох, Селеста, помяни мое слово, все в жизни возвращается! Вот когда-нибудь вспомнишь ты свою тетку, да только поздно будет!

Голос женщины дрожал, срывался, на лице отразилось такое неподдельное страдание, что Катя тут же почувствовала угрызения совести. Неужели она оказалась такой плохой племянницей, ее бедная тетка кружится как белка в колесе, а она на солнышке загорает?

Краска залила Катино лицо, и она резво подалась вперед.

– Простите... э тетя Агата... Я могу, я готова... только скажите!

Лицо тетки тут же изменилось, а глаза быстро забегали из стороны в сторону.

– Ну надо же! Послушать – так просто невинная овечка! Но учти, я тебя насквозь вижу и слежу за каждым шагом! Значит так, я к соседке, а ты с близнецами остаешься. И не дай бог тебе что-нибудь выкинуть...

И оставив девочку самой додумывать, что именно она может выкинуть и что ей за это будет, Агата развернулась и, гордо вскинув голову, двинулась прочь. Катя молча смотрела ей вслед и смогла перевести дух, лишь когда грузная фигура тетки скрылась из виду.

– Ну и дела! – просопела девочка и не мешкая поспешила в дом.

У тети Агаты было двое сыновей – Уберто и Филиппо. Мальчишкам всего лишь недавно исполнилось три года, но это ничуть не мешало им проказничать и доводить родных до белого колена. И если мать частенько умилялась их проделкам, то для других игры близнецов доставляли немало сложностей и хлопот. А поскольку в доме больше никого не было, всю свою мощь они изливали на одного-единственного человека – Селесту. Катя еще не знала об этом факте, и потому не сразу поняла, чем грозит общение с этими малолетними хулиганами.

Стоило девочке заглянуть в спальню тети, как ее оглушил пронзительный режущий слух вопль. Уберто и Филиппо безошибочно чувствовали, когда их мать уходит из дома, и едва за той закрывалась дверь, пускались во все тяжкие.

Катя озадаченно замерла на пороге, не сводя глаз с двух скачущих и голосащих на все лады сорванцов. По правде говоря, она совершенно не представляла, как обращаться с детьми, особенно, с такими непоседливыми.

– Может, поиграем? – неосторожно предложила она, и тут же поплатилась за свою легкомысленность.

В понятии близнецов игры представляли собой настоящие побоища с неизбежной капитуляцией поверженного врага, под коим, разумеется, подразумевалась Селеста.

В ту же секунду ребята взобрались на постель матери и принялись с остервенением бросаться в девочку подушками.

– Но, но полегче, – смеясь, отбивалась Катя.

Но вскоре ей стало не до смеха. Ветхий материал не выдержал, и через мгновение перья и пух свободно разлетелись по всему помещению, застилая собой не только Катю, но и только что вымытый пол.

Катя охнула и, стряхивая с лица и волос прилипчивый пух, попыталась было отнять у мальчишек то, что еще совсем недавно было подушками, но в ответ комната тут же огласилась громкими истеричными рыданиями.

Девочку бросало то в жар, то в холод, но она совершенно не представляла, как их успокоить. Спешно припоминая, чем могут интересоваться дети в таком возрасте, Катя кинулась на поиски игрушек, но, увы, в комнате ничего такого не оказалось. Только несколько связанных друг с другом разноцветных тряпок, по всей видимости, предназначенных для развлечения малолетних хулиганов.

Но Катины надежды не оправдались. Сколько она не трясла тряпками перед глазами малышни, визги не смолкали.

– Да что ж такое! – в сердцах воскликнула девочка и в отчаянии схватилась за голову. – Как же вас успокоить?!

И тут в голову пришла очередная мысль. Еда!

– Точно! Как же я сразу не догадалась!

Ни на секунду не сомневаясь, что ее догадка верна, Катя бросилась на кухню. Тетя Агата не дала никаких рекомендаций по поводу предпочтений своих отпрысков, поэтому приходилось импровизировать. Даже в привычных условиях, у себя на родине, это было бы непростой задачей, а уж в незнакомом месте, с совершенно другой культурой, традициями и обычаями, казалось практически невозможно. Но Катя не сдавалась.

– Все дети любят сладкое! – победоносно воскликнула она.

Но эта идея, поначалу показавшаяся настоящим спасением, была вынуждена претерпеть значительные изменения. Даже мимолетного взгляда на кухонное помещение было достаточно, чтобы понять – продуктов в доме тети Агаты практически не было. Лишь в дальнем углу

виднелся неполный мешок с крупой да фляга с молоком, надоевшим всего пару часов назад. И больше ничего.

Катя в растерянности замерла на месте – ей и в голову не приходило, что семья, в которой ей суждено было очутиться, нуждалась и еле сводила концы с концами. Что, впрочем, и неудивительно для того времени. Большая часть населения Италии жила очень скромно, основным пропитанием для которой становились свежие фрукты да разнообразные пиццы.

– Пицца бедняков, – вспомнилось Кате, и девочка невесело ухмыльнулась.

Как все-таки меняются вкусы и представления о вкусной еде – то, что всего несколько веков назад для большинства бедных итальянцев служило чуть ли не единственным способом хоть как-то утолить голод, в современные дни в ресторанах и кафе подается как праздничное блюдо.

За свою жизнь в Москве Катя не раз пробовала итальянские блюда – пиццы, пасты, салаты – с морепродуктами и диковинными видами сыров, но, разумеется, не имела ни малейшего представления, как их готовить. А несмолкаемые вопли подгоняли и заставляли сердце биться все сильнее и сильнее.

– Нет, национальная кухня мне определенно не по зубам! – наконец сдалась девочка, – нужно придумать что-то другое.

После долгих и упорных поисков на глаза попался небольшой глиняный горшок с чем-то густым и весьма аппетитно пахнущим.

– Мед! – догадалась Катя, и не ошиблась.

Видимо, тетя Агата припрятала это лакомство на черный день, который, как оказалось, уже наступил для ее племянницы, оставшейся один на один с двумя голосащими малышами.

– Спасена! – обрадовалась Катя и резво принялась за дело.

Через мгновение на кухне вспыхнул огонь, на стол был водружен большой котелок, в который один за другим отправились молоко, мед и пшено.

– Пять минут, пять минут, – довольно напевала Катя, запихивая свое варево в жаровню.

Но по какой-то иронии судьбы именно этих пяти минут ей и не хватило. Не успела она закончить с кашей, как громкий грохот заставил девочку буквально подпрыгнуть на месте.

– Да что ж такое?! – простонала она.

Грохот приближался, через секунду к нему присоединился подозрительный звон, и Катя поняла, что, если она сию минуту не вмешается, от дома останется один фундамент. Однако она опоздала. Через мгновение в кухонном проеме показались две хитрые рожицы.

– Нет, нет! Сюда нельзя! – вскрикнула Катя и кинулась наперерез, но Умберто и Филиппо оказались ловчее.

Быстрее молнии мальчишки взобрались на большой деревянный стол, весь заставленный посудой, котелками и прочей домашней утварью.

– Ах вы прохвосты! Ну погодите!

Но справиться с близнецами оказалось не так просто. Девочка безуспешно пыталась поймать их и стащить на пол, но все было напрасно. В ответ слышался лишь издевательский смех, а в лицо летели тарелки, ложки и кружки. Не прошло и нескольких минут, как пол кухни оказался засыпан осколками битой посуды, и в ход пошли тяжелые глиняные котелки. Но все это было еще цветочками. Неожиданно в поле зрения мальчишек попал огромный нож, который тетя Агата использовала для резки мяса. Издав победный клич, близнецы ринулись вперед, и через мгновение острый клинок мелькнул в руках одного из них.

Катя похолодела.

– О Господи! Отдай нож! Немедленно! – надрывалась она, но Умберто и Филиппо, казалось, получали удовольствие, видя переживания Селесты.

Дети не представляли, какую опасность таит в себе их новая игрушка, и откровенно забавлялись, тыча острием ножа друг в друга. Одна Катя понимала, чем это может закончиться,

и, забыв обо всем на свете, ринулась на стол. Тот предательски закрипел, закачался и, прежде чем девочка поняла, что случилось, она очутилась на полу под грудой посуды, досок и балок.

В этот момент дверь скрипнула, и в доме раздались чьи-то торопливые шаги. Оглушенная и замотанная Катя не сразу услышала их приближение, а когда до нее наконец-то дошло, кому они могут принадлежать, на пороге возникла всклокоченная Агата. При виде царящего вокруг беспорядка и малышей, как ни в чем не бывало пляшущих на кухне среди осколков посуды, женщина застыла на месте. Ее глаза вылезли из орбит, а рот лишь беззвучно открывался и закрывался, не в силах проронить ни слова. С трудом выбравшаяся из-под обломков стола Катя тихо охнула и попыталась дать задний ход, но было поздно – тетя вперила в нее свой остановившийся взгляд.

– Что... Как? О Боже, – бессвязно бормотала она, и с каждой минутой ее лицо становилось все блее и блее.

Катя прекрасно понимала, что у тети есть все основания для недовольства, но сладить с хулиганами – это выше ее сил, да и, наверно, любого человека на свете. Но для Агаты подобное замечание ничего не значило. Как и любая мать, она считала своих детишек самыми лучшими и потому подобно тигрице бросилась на их защиту.

– Никогда! – с перекошенным от злобы лицом просипела она. – Слышишь, никогда не смей подходить к моим детям!

– Но тетя...

– Молчать! А если бы они поранились, с лестницы упали, на нож напоролась?! Или может, ты все это мне на зло делала, а? Ну признайся?! Хотела, чтобы я страдала, чтобы материнское сердце кровью обливалась!

– Тетя Агата, – безуспешно надрывалась Катя, – да послушайте вы меня!

Но женщину было не остановить.

– Ты подумай! Змею на груди пригрела! Кормила, поила, свою праздничную шаль подарить хотела...

У Кати не было ни малейшего шанса оправдаться. Да и что тут скажешь, разнесенный в пух и прах дом был куда красноречивее слов.

– Я тебе этого никогда не прощу, поняла, – напоследок крикнула женщина и, бесцеремонно схватив девочку за плечи, вытолкала за дверь. – А сейчас прочь с глаз моих!

Катя лишь тяжело вздохнула. Спорить с разгневанной родственницей было совершенно бесполезно, да и признаться, девочка сильно сомневалась, что тетя Агата, после всего, что она увидела, изменит свое решение. Разумеется, Катя и сама не горела желанием хоть на какое-то время оставаться один на один с этими дьяволятами, но все же хотела оправдаться. Тетя все не так поняла – она же старалась, правда, старалась найти с детьми общий язык. И возможно, будь у нее больше времени, это удалось, но все случилось так как случилось. Второго шанса у нее не было, и, лучшее, что Катя сейчас могла сделать – как можно реже попадаться тетке на глаза.

Однако тогда девочка еще не подозревала, что все ее беды впереди. И по сравнению с ними тетя Агата и ее неугомонная малышня покажутся сущей безделицей.

К вечеру в доме появился новый персонаж. О его приближении возвестила отборная ругань и тяжелые шаркающие шаги.

Все это время девочка отсиживалась на кухне, однако странные звуки заставили ее выглянуть из своего убежища и прислушаться. Кого это нелегкая принесла на ночь глядя? Ответ же был вполне предсказуемым, правда, все еще не укладывающимся в голову. Внезапно совсем рядом мелькнула чья-то тень, и Катя тут же узнала неслышно появившуюся тетю Агату. Женщина явно готовилась ко сну, поскольку облачилась в просторную, достигающую щиколоток рубаху, а волосы, привычно заплетенные в тугую косу на затылке, в беспорядке разметались по плечам.

– Смотрите-ка, кто пожаловал! – прошипела тетка и скосила глаза на жавшуюся в углу племянницу. – Что уставилась? Иди, встречай ненаглядного папашу!

В то же мгновение входная дверь со скрипом отворилась, а в ее проеме показалось нечто огромное и угрожающе хрипящее.

Девочка нервно сглотнула. Неужели этот обросший чумазый еле стоящий на ногах и непрерывно сыплющий изощренными ругательствами человек и есть ее отец? Но, увы, с действительностью не поспоришь.

– Что, Николо, опять за старое взялся? – грозно просипела Агата, и Катя увидела, как в ее руке дрогнула деревянная колотушка для раскатки теста. – Сколько раз я тебе говорила, чтоб не смел в таком виде дома появляться?!

В ответ вошедший пробормотал что-то нечленораздельное и медленно двинулся на сестру. Но стоило ему сделать пару шагов, как нога зацепилась за отстающую половицу, и мужчина с размаху рухнул оземь.

– Этого еще не хватало! – всплеснула руками тетя Агата и принялась со всей силы дубасить колотушкой братца по спине.

Но Николо, казалось, было совершенно все равно, и вскоре до ушей женщин донесся раскатистый храп. Тетя Агата побагровела и, не зная на кого вылить душащую ее злобу, двинулась на Селесту.

– Значит так, слушай меня внимательно! – тихим, но не подразумевающим возражений голосом сообщила она. – Мое терпение закончилось! Запомни этот день, хорошенько запомни, ибо теперь твоя жизнь круто изменится.

Катя вздохнула. Ее худшие опасения сбывались прямо на глазах.

– Хватит мне спину гнуть, когда вокруг столько бездельников развелось. Отныне ночевать будешь в хлеву, с утра за скотиной убирать, а днем – на рынке торговать. А увижу около детей, не обижайся! Собственными руками придушу! Вопросы есть?

Катя мотнула головой. Да какие уж тут вопросы, и так все понятно – на глаза тете Агаты лучше не попадаться.

Никогда в жизни Катя не думала, что когда-нибудь ей придется стоять за прилавком и активно зазывать покупателей.

Торговки с интересом поглядывали на новую соседку и время от времени перебрасывались короткими фразочками. Катя догадывалась, что речь идет о ней, и щеки сами собой розовели.

– Так вот ты, значит, какая, – наконец заявила одна из женщин.

Катя удивленно покосилась на собеседницу

– Какая такая? – промычала она, совершенно не понимая, что от нее хотят.

Торговки засмеялись.

– В смысле, племянница Агаты. Да уж, тетка боевая! Мы бы своих детей никогда сюда не пустили, а ей – раз плюнуть! Ну ничего, ты не тушуйся, поначалу всем страшно.

– Самое главное, за товаром следи! – включились в разговор другие. – Тут желающих поживиться за чужой счет хоть отбавляй! А если что пропадет, так тетка с тебя точно всю шкуру спустит!

Катя поежилась – от этих разговоров становилось не по себе.

Девочка обреченно косилась на высившиеся перед ней корзины с разнообразными фруктами и тяжело вздыхала. Большинство плодов она видела первый раз в жизни и могла лишь догадываться, каковы они на вкус. Не говоря уже о цене. Катя совершенно не представляла, что сколько может стоить, и смутно припоминала, какие денежные знаки используются в Италии 18 века. Но так или иначе ей нужно было продержаться до вечера, а значит, придется импровизировать.

– Простите, – обратилась она к стоящей рядом женщине. – А не подскажите, что это такое?

Соседка удивленно воззрилась на странную девицу, указывающую на стоящую перед ней корзину оливок.

– Вот тебе и раз. Ты, девчина, часом на солнце не перегрелась?

– Не трожь ее, Патриция, – вмешались другие торговки. – Не видишь что ли, она от страха сама не своя. Вспомни лучше, каково самой в первый раз было!!!

Патриция вспыхнула и отвернулась.

– То-то же! Ты, Селеста, не бойся, мы тебе все расскажем.

Женщины не обманули, и вскоре Катина голова с трудом переваривала обрушившуюся на нее информацию о разнообразных фруктах, их свойствах и вкусах.

– И запомни, – напутствовали ее торговки. – С покупателями не спорь. Это непросто, конечно, но иначе никак. Покупатели – народ вредный, обидчивый, из-за любого пустяка такой пожар раздует, что потом хоть вообще на рынке не появляйся.

Катя слушала, кивала, но в душе молилась, чтобы никому не взбрело в голову подойти именно к ней.

Но судьба распорядилась иначе. День близился к полудню, от жары и солнца люди размлели и попрятались под импровизированные навесы, а редкие покупатели спешили поскорее приобрести все необходимое и покинуть раскаленный рынок. Внезапно до ушей людей донесся постепенно приближающийся гул. Торговки удивленно зашущукались и принялись озабоченно выглядывать со своих мест.

А гул с каждой секундой усиливался, и вот на торговую площадь влетела группа всадников. Незнакомцы с головы до ног были закованы в латы, их кони нервно ржали и фыркали, а на угрожающе вскинутых пиках развевался флаг Италии.

Всадники покружились по торговой площади и неожиданно направились прямо к Кате. Весело переговариваясь и не обращая на хозяйку совершенно никакого внимания, они принялись бесцеремонно рыться в корзинах с фруктами. Девочка и охнуть не успела, как один из рыцарей набрал пригоршню фиников и развернулся было прочь.

Катя вспыхнула и вскочила с места.

– Пять лир, пожалуйста!

Оживленная беседа замолкла.

Всадник с финиками замер и удивленно покосился на торговку.

– Что?

– Пять лир, – спокойно повторила Катя. – Эти финики стоят пять лир.

В воздухе повисло гнетущее молчание. Краем глаза девочка видела, как со всех сторон высунулись испуганные соседки и в ужасе замахали руками. Катя не понимала, что случилось, и почему ее вполне обычная фраза вызвала такой эффект, но факт оставался фактом – она допустила какую-то оплошность.

Тем временем всадник медленно повернулся к своим товарищам и громко воскликнул.

– Слышали, сеньоры? Эта деревенщина требует плату за свой поганый товар!

Громкий хохот разорвал напряженную тишину, злосчастные плоды полетели на землю, а рыцарь наклонился к помертвевшей от страха Кате и прошептал:

– Ты об этом пожалеешь, маленькая дрянь!

Девочка отшатнулась, а неизвестные, прищпорив коней и подняв столп пыли, в ту же минуту унесли прочь.

Все произошло настолько быстро, что Катя даже не поняла, что случилось. Однако одно она знала наверняка – только что сама того не желая она нажила серьезные проблемы. И встревоженные голоса торговки лишь подтверждали этот факт.

– О боже, что ты наделала! Да разве можно пререкаться с такой важной особой!

– А что такого? – вскинулась Катя, – я попросила пять лир и всего-то!

Женщины удивленно переглянулись.

– Ты в своем уме, Селеста?! Это же сам Фарнезе, герцог Пармский! Молись, чтобы он не разгневался! Иначе быть беде!

И они как в воду глядели. Разумеется, Катя понятия не имела, кто такой Фарнезе, и почему не стоило с ним спорить, но герцога это вовсе не волновало. Впервые за всю его жизнь какая-то девчонка с рынка позволила себе неслыханную дерзость. Она не только заговорила с высокородной особой, на которую чернь вроде нее и взглянуть-то не смеет, но и потребовала деньги!

Сколько он себя помнил, Фарнезе ни в чем не знал отказа, неудивительно, что выходка торговки с рынка уязвила его в самое сердце. Притихшие друзья с интересом следили за меняющимися выражениями его лица и напряженно гадали, как поступит их предводитель. А тот нахмурился и резко взмахнул рукой.

Приказ был ясен как белый день. Герцог отличался буйным нравом и за куда меньшие провинности мог спалить целые дома или заключить в темницу любого, имевшего неосторожность вызвать гнев благородной особы. Жители селения об этом прекрасно знали и потому с замиранием сердца ждали, какова же будет месть.

И она не заставила себя ждать. Катя только-только собрала разбросанные по земле финики и выбрала из корзины помятые фрукты, как до ушей донесся уже знакомый топот. Лица соседок побелели, и женщины схватились за головы.

– Селеста, прячься! Это они!

И точно – через мгновение на площади возникли знакомые всадники. Торговки едва успели спрятать испуганную девочку среди своих корзин, как на полном скаку кони налетели на Катин товар. Корзинки жалобно хрустнули и перевернулись, фрукты разлетелись, а лошадиные подковы нещадно давили и крушили все на своем пути. Присутствующие молча наблюдали за творящимся бесчинством, но никто из них не решался вмешаться.

Это не означало, что в их сердцах не было ни капли жалости, напротив – каждый по-своему сочувствовал свалившейся на голову Селесты беде. Но в первую очередь любой житель думал о себе, своей семье и детях, что станет, если гнев герцога Фарнезе обрушится на них? Ответ был неутешителен, для большинства деньги, вырученные от продажи фруктов, были единственным средством для существования. Люди просто боялись, и, увы, как это часто бывает, страх способен пресечь даже самые благородные порывы.

Через пару минут все было кончено. Катин товар превратился в одно большое месиво, в котором сиротливо плавали прутья от корзинок и косточки некогда чудесных плодов. Всадники же торжествующе оглядели торговую площадь и скрылись из вида. Некоторое время люди не могли пошевелиться и удрученно взирали на учиненную расправу. Каждому было грустно и досадно, но можно было только представить, что сейчас творилось в душе Кати. Оглушенная, она невидящим взором смотрела в одну точку и, казалось, даже не слышала обращенных к ней слов.

– Ох, Селеста, что же теперь будет?!

– А ведь мы предупреждали! Герцог не прощает обид!

Девочку била нервная дрожь – не столько от страха перед наказанием тетки, сколько от царящей на свете несправедливости. Ну как же так! Почему этим самовлюбленным, не видящим ничего кроме роскоши и богатства, баловням судьбы все сходит с рук? По какому праву они могут решать чьи-то судьбы, насмехаться над слабыми и бедными. Неужели деньги стали единственным мерилем человеческой сущности, как в 18 веке, так и в 21?!

Катя задыхалась от захлестнувшей ее обиды и не сразу заметила приближающуюся грозно размахивающую руками фигуру. Агата, как будто почувствовав неладное, решила проверить, как идут дела у ее племянницы. До женщины не сразу дошло, что произошло,

и несколько мгновений она глупо тарашилась на груды раздавленных фруктов и струдившуюся около толпу. Когда же ее мозг наконец осознал случившееся, внимание тут же переключилось на стоящую рядом Катю.

– Ах, мерзавка! – воскликнула Агата, и звук звонкой пощечины разнесся по торговой площади. – В могилу свести решила?! Детей малых без корки хлеба оставить?!!

Соседки пытались было образумить разошедшуюся не на шутку женщину, но куда там!

– Придушу змею! – захлебываясь, визжала она. – Собственными руками придушу!

Агату совершенно не волновали подробности случившегося, она видела лишь одно – ее лишили всего товара, а это значит, что в ближайшие несколько дней им будет нечего есть. Несмотря на свою грузность, женщина умудрилась вцепиться племяннице в горло, и дело начало принимать серьезный оборот.

Внезапно за спиной Агаты раздался чей-то незнакомый голос.

– Прекратите! Она не виновата!

Люди как по команде замолкли и удивленно повернулись.

На площади в нескольких шагах от них стоял высокий худощавый юноша. Его лицо было бледно, тело прикрывали еле державшиеся на плечах лохмотья непонятного цвета, а на босых ногах виднелись шрамы и кровоподтеки. Все в облике этого незнакомца выдавало крайнюю нужду, одни только глаза, большие глубокие, без малейшей тени страха смотрели на кипящую от негодования женщину.

– Шел бы ты отсюда подобру-поздорову! – прошипела Агата. – Тоже мне, защитник выискался!

Но угрозы женщины не произвели на юношу никакого впечатления. Его глаза были по-прежнему спокойны и лишь с некоторой жалостью взирали на разъяренную тетку.

– Я понимаю, то, что случилось – большая беда. Но, прошу, не нужно наказывать невиновных!

– Вот как?! А что мне, по-твоему, делать? – ехидно поинтересовалась Агата. – Может, сказать спасибо этой гадюке?! По ее милости мои дети будут сидеть голодными!

– Мне жаль ваших детей, – последовал незамедлительный ответ. – Но эта девочка ни при чем. Это моя вина.

На торговой площади повисла гнетущая тишина. Люди, открыв рты, переглядывались и не могли поверить в то, что только что услышали. Даже Агата на некоторое время потеряла дар речи.

– Твоя???

– Да. Я как раз остановился около вашего товара и не поприветствовал герцога Фарнезе должным образом. Всадники разгневались и в ярости раздавили все фрукты.

Тетя Агата не знала, что и думать.

– Врешь? – с надеждой уточнила она.

Но странный юноша отрицательно покачал головой, женщина смутилась и ослабила хватку. Катя судорожно вздохнула и принялась отчаянно кашлять.

– Ладно, убери здесь все, – буркнула Агата. – А потом домой, быстро!

Женщина и сама не поняла, куда улетучилась ее злоба, почему она поверила этому странному парню и даже не попыталась выместить на нем свое негодование. Она была абсолютно уверена, что во всем виновата ее племянница, а слова незнакомца настолько обескуражили, что Агата даже не знала, как себя вести.

Катя была поражена не меньше тетки и с благоговением взидала на неожиданного спасителя.

– Зачем ты это сделал? – тихо прошептала она.

Худощавый паренек покраснел и неопределенно пожал плечами.

– Просто помочь хотел... Ты добрая, это сразу видно.

Катя не верила своим ушам. Совершенно чужой человек ни с того ни с сего вступился за нее, и не побоялся гнева ее родственницы? Такого просто не может быть!

– Но... а как же ты? Неужели совсем не испугался?

Ее спаситель неожиданно погрузнел, а по бледному изможденному лицу пробежала кривая ухмылка.

– А кого бояться? Твоей тетки? Так она просто несчастная женщина, ее можно только пожалеть. И потом, мне терять нечего.

Катя ничего не понимала и бестолково таращилась на нового знакомого. А тот, внезапно ссутулившись, улыбнулся на прощание и медленно побрел прочь.

Девочка опомнилась, лишь когда таинственный прохожий был на расстоянии нескольких десятков метров.

– Эй, стой, – торопливо воскликнула она. – Ты что же, вот так возьмешь и уйдешь? Ну хоть скажи, как тебя зовут?!!

Удаляющаяся фигура на миг замерла, и Катя встретилась с огромными, необычайно грустными глазами.

– Габриэль! – донеслось сквозь шум проезжавшей мимо повозки, но, сколько Катя не напрягала зрение и не крутила головой, ее спаситель исчез, как будто сквозь землю провалился.

## Глава 2

### Тихая гавань

Поздним вечером, когда Катя наконец-то осталась наедине с собой, мысли мгновенно вернулись к странным событиям сегодняшнего дня.

Если бы не чудесное вмешательство случайного прохожего, ей не поздоровилось. Тетя Агата точно выгнала бы из дома, а может, того хуже, избилась плетьюми.

– Кто же этот человек? – гадала девочка. – Говорит, что ему нечего терять, а глаза такие добрые...

Внезапно Катю обдало жаром, и она подскочила на своей подстилке.

– Господи, а ведь я даже не поблагодарила его!!!

Эта мысль настолько поразила ее, что девочка почувствовала, как лицо заливают румянец, и в душе поселилось неведомое доселе беспокойство. Катя долго не могла понять, что же с ней происходит и почему мимолетная встреча так взволновала ее душу, как вдруг...

Гребень! Ну конечно же! Как она могла о нем забыть? Катя осторожно поднесла дрожащую руку к своей шее и ощутила тепло, явственно исходившее от висевшего на цепочке украшения. Ее верный попутчик и помощник неожиданно ожил и настоятельно заявлял о своем существовании.

Девочка непонимающе захлопала глазами. Что бы это значило?! Вне всякого сомнения, бабушкин подарок пытается что-то сообщить, но вот что? И причем тут незнакомец, так неожиданно появившийся в ее жизни?

Мысли лихорадочно перескакивали с одного события на другое, пытаясь связать их воедино, но так или иначе сводились к одному – ей нужно найти этого человека. Их встреча была неслучайна, но для чего все это нужно, она сможет понять, лишь когда отыщет странного юношу. И горящий на груди гребень – лишь очередное тому доказательство.

– Ну что ж, – протянула Катя. – Кажется, пора приниматься за поиски...

Но тут девочка столкнулась с весьма неприятным открытием – ведь она почти ничего не знает о своем спасителе. Где живет, чем занимается... Одно лишь имя... Габриэль.

Катя невольно улыбнулась. Оно как нельзя лучше подходило своему обладателю – такое же возвышенное, нежное, изящное...

Прошло несколько дней. Катя послушно ходила на сбор урожая и в редкие свободные минуты пыталась разузнать хоть что-нибудь о своем спасителе. Но на удивление, никто ничего не знал об этом человеке. Даже самые бойкие соседки, еще те сплетницы, лишь удивленно разводили руками.

– Габриэль? Нет, никогда не слышали такого имени... Может, ты что-то перепутала?

Но Катя лишь отрицательно качала головой и уходила – нет, она ничего не перепутала. И тот факт, что об этом самом Габриэле в поселке никто ничего не знал, лишь разжигал ее любопытство. Конечно, под неусыпным контролем со стороны тетушки наводить справки непросто, но Катя не теряла надежды. Пару раз, ближе к вечеру, когда все дела были переделаны, она тайком выскальзывала из дома, и пускалась на поиски.

Но как найти того, о ком никто ничего не слышал? Девочка бесцельно бродила по узким мощеным камнем улочкам маленького итальянского селенья, в котором волей судьбы ей суждено было оказаться, вглядывалась в лица прохожих, прислушивалась к чужим разговорам, но, увы, все напрасно. Таинственный незнакомец как в воду канул.

Однако в жизни любой, даже незначительный эпизод имеет свой собственный смысл, свое предопределение. Катя не могла объяснить, но чувствовала, что от этих поисков зависит ее дальнейшее существование. И потому не опускала рук.

Вскоре ее старания были вознаграждены. Как-то раз тетя Агата отправилась в соседнее селение, и на целый день Катя оказалась предоставленной самой себе. Грех было не воспользоваться неожиданно свалившимся на голову счастьем. С трудом дождавшись, когда грузная фигура тетки скроется за поворотом, Катя на цыпочках выскользнула из своего жилища и, воровато оглядываясь, бодро затрусилась к калитке. В руках она сжимала небольшой узелок – кусок холодной паэлы, оставшийся от вчерашнего ужина, и пару свежих помидоров. По ее подсчетам этой еды должно хватить на целый день. Катя твердо решила во что бы то ни стало разыскать исчезнувшего незнакомца и возвращаться домой ни с чем не собиралась.

Поселок еще спал, на улицах никого. Катя улыбнулась и чуть ли не бегом бросилась вперед – лишние свидетели ей ни к чему. Когда солнце встало, и новый день вступил в свои законные права, наша путешественница была уже далеко. Узкая дорога увлекла все дальше и дальше, за спиной остались одинокие жилые домишки, а впереди, куда не бросишь взгляд, лишь залитые солнцем бескрайние поля.

Несколько часов пешей прогулки не прошли даром для неприученного к длительной ходьбе организма Кати. На ногах тут же вскочили волдыри, припекало, и отчаянно хотелось пить. Несмотря на некоторые запасы провизии и питья, девочка терпела сколько могла – неизвестно, что ждет ее дальше. Тем не менее, геройства хватило ненадолго, вскоре она была вынуждена остановиться и без сил опуститься на зеленую придорожную траву.

– Что я делаю! – пронеслось в голове. – А если заблужусь?

Но несмотря на обуревавшие ее страхи внутренний голос и слегка подрагивающий на груди гребень настаивали на своем.

Катя покосилась на бабушкин подарок и еле слышно вздохнула.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – еле слышно прошептала она.

И гребень действительно знал. Во всяком случае, с каждым шагом его владелица чувствовала, как он становится все теплее и теплее – верный признак, что она на правильном пути. И точно – не прошло и получаса, как на горизонте замаячили каменные стены и острые шпили городских колоколен.

– Верона! – озарило Катю.

Именно здесь, по рассказам тети Агаты, работал ее отец, до того, как его ремесленная лавка разорилась. То были хорошие времена. В семье всегда водились деньги на еду и хорошую одежду, тетя Агата сидела дома и занималась маленькими детьми, а Селеста ходила в церковную школу. Но в одночасье все рухнуло.

Лавка разорилась, а вместе с ней исчез единственный источник дохода. А чем это обернулось – Катя прекрасно знала. Николо запил и мог днями пропадать в кабаках, спуская на выпивку и сомнительных друзей последние оставшиеся у семьи крохи. За что был частенько бит Агатой, но, увы, это мало помогало. От безысходности и отчаяния женщина то и дело срывалась на ни в чем не повинной Селесте, бросалась грозными обвинениями и придиралась к любой мелочи.

Умом Катя понимала, что той сейчас непросто, но сносить ежедневные оскорбления была не намерена. Не для этого же судьба занесла ее в эти края. А вот для чего – в этом еще предстояло разобраться. Но одно путешественница знала точно – вся ее дальнейшая жизнь так или иначе будет связана с этим странным юношей с огромными грустными глазами.

О Габриэль! Только бы найти тебя!

Едва Катя достигла каменных стен города, как ее внимание привлек шум у городских ворот. Место там было бойкое, каждую минуту проезжали груженные экипажи, сновали озабоченные горожане, рабочие, ремесленники. Неудивительно, что некоторые самые ушлые торговцы обосновались в нескольких метрах от дороги и активно зазывали прохожих. Глаза Кати оценивающе скользили по разложенным на земле пилам, топорам, деревянным бочкам с какой-то темной жидкостью внутри, расшитых скатертях и затейливо расписанной домашней утвари.

Чуть поодаль расположилось несколько человек с заключенными в грубые деревянные рамы холстами. С них на прохожих взирали молодые пастухи в окружении тучного стада, весело смеющиеся девушки в пышных платьях и букетами полевых цветов в руках. На резных блюдах покоились сочные плоды неведомых фруктов и порхающие над ними бабочки.

Все это выставлялось для проходящих мимо путников в надежде, что тем что-нибудь приглянется. И надо сказать, расчет был верным. Вот и сейчас у городских ворот стояло несколько карет, рядом с которыми крутились фигуры каких-то людей.

Катя оживилась и двинулась вперед. Стараясь ничем не выдать своей заинтересованности, она замерла в нескольких метрах и уже своими собственными глазами смогла взглянуть на причину разгоревшихся у городских ворот страстей.

Около торговцев неторопливо прогуливалась молодая разряженная особа в пышном шелковом платье. Из-под изящной шляпки выбивались длинные золотистые локоны, а на тонких пальцах поблескивали драгоценные камни. Следом за ней неотступно следовали два господина в черных плащах и внимательно следили за каждым шагом своей подопечной. Вне всякого сомнения, девушка была приезжей, причем весьма состоятельной. Этот факт не укрылся от глаз торговцев, которые, словно коршуны, почуявшие добычу, накинулись на покупательницу.

– О милая сеньорита! Взгляните на этот портрет! Могу поклясться, у вас такие же глаза!

– Зачем такой красавице чужой портрет?! Возьмите лучше вазу! И у вас никогда не будет отбоя от поклонников!

Но на удивление девушка несколько не реагировала на лестные речи и продолжала придирчиво разглядывать разложенные на земле холсты. Обойдя всех художников, она внезапно развернулась и направилась в сторону. Заинтригованная Катя вытянула голову и тут заметила еще одного человека, стоявшего в некотором отдалении от группы торговцев.

Все это время он не двигался с места и не предпринимал ни малейшей попытки привлечь внимание потенциальной покупательницы. Высокая невероятно худая фигура застыла в некотором поклоне, а лицо было устремлено в землю. Лишь несколько аккуратно разложенных у ног холстов напоминали о причине его нахождения в этом месте.

Катя не выдержала и подалась вперед. И хотя она никогда не была особой ценительницей живописи, совершенно не разбиралась в стилях и направлениях, но отчего-то при виде картин ее сердце учащенно забилося.

Было очевидно – это не просто мазня, не жалкая претензия на высокое искусство, а настоящие шедевры. И девушка с золотыми локонами, очевидно, это тоже понимала. Она быстро пробежалась глазами по представленным работам и резким движением руки ткнула в одну из них.

– Вот эта!

Художник вздрогнул, словно не сразу поняв, что от него хочет разряженная особа.

– Вас заинтересовали мои картины? – несколько удивленно пробормотал он.

При этих словах Катя почувствовала, как кровь приливает к ее лицу. Голос! О, она узнала бы его из тысяч! Голос, принадлежавший одному единственному человеку, которого она уже почти отчаялась найти. Габриэль!

Неожиданное открытие настолько поразило Катю, что несколько мгновений она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Но визгливый голос покупательницы привел ее в чувство.

– Ну разумеется! Или вы думаете, я тут просто так стою?!

– Да, то есть, нет, конечно... Простите, я сейчас...

Молодой человек засуетился, принялся бестолково копаться в своих работах, да так неуклюже, что наблюдавшие за ним торговцы расхохотались.

– Вот чудной! Смотри, не упади!

– Да откуда ж ты такой взялся?!

Наконец, художник справился с охватившим его волнением и дрожащими руками протянул девушке картину.

– Прошу вас, сеньорита.

Но покупательница была явно раздражена. Она обдала юношу пренебрежительным взглядом и гневно топнула ногой.

– Вы смеетесь?! Мне нужна вот эта!

Девушка нетерпеливо ткнула пальцем в лежащий у ног художника холст и, не дожидаясь, пока тот сам подаст ей картину, быстро наклонилась и схватила полотно.

В ту же секунду тело художника дернулось в неожиданной конвульсии, а тонкие руки молитвенно взмыли к груди.

– О нет, сеньорита! – сбивчиво затараторил он. – Прошу, умоляю, только не эту... Любую, забирайте любую...

– Да вы в своем уме? Я хочу именно эту!

– Нет, нет, я не могу...

– Перестаньте нести чепуху! Говорите скорее, сколько она стоит, я тороплюсь!

– Простите, сеньорита, но я не могу назвать цену... Эта картина... Нет, она не продается...

Наблюдающие за этой сценой торговцы покатывались с хохота, а девушка непонимающе хлопала глазами.

– Сумасшедший..., – наконец выдавила она. – Да тебе лечиться надо, а не картинами торговать!

И горделиво вскинув голову, обиженная покупательница поспешила к карете. Кони заржали, коляска дернулась и, подняв за собой клубы пыли, вскоре скрылась из вида.

Недовольный гул прокатился по рядам оставшихся ни с чем торговцев.

– Каков наглец!

– Всех покупателей распугал!

– Нет, вы только послушайте его! Не продается, видите ли! А чего пришел, спрашивается?!

Обвинения посыпались как из рога изобилия, и разозленные торговцы медленно двинулись на виновника всех их бед. Художник принялся затравленно озираться по сторонам, потом быстро схватил свои картины и со всех ног бросился прочь.

Катя вздрогнула и кинулась следом. Однажды она уже потеряла Габриэля, и второго раза ни за что не допустит. К счастью, совсем рядом были городские ворота, и беглец тут же юркнул туда. Его преследователи что-то кричали вслед и грозно размахивали руками, но догонять не стали – как-никак у них без присмотра остался свой собственный товар.

Катя же упорно продиралась сквозь толпу, не отрывая напряженного взгляда от то появляющейся, то исчезающей впереди высокой несуразной фигуры в еле державшихся на плечах лохмотьях. На Катино счастье художник вскоре замедлил шаг и, опустив голову, понуро поплелся куда глаза глядят. Некоторое время девочка молча шла следом, не решаясь окликнуть погруженного в свои думы Габриэля.

Тем не менее, чье-то незримое присутствие не осталось незамеченным, юноша заметно занервничал и принялся оглядываться по сторонам. На его лице отразился неподдельный ужас, а губы предательски дрожали. По всей видимости, молодой человек решил, что его преследует эта та самая девушка с золотыми локонами и сейчас отнимет у него его картины.

– Габриэль! – поспешно воскликнула Катя. – Не бойся, это я, Селеста! Наверно, ты меня не помнишь...

На мгновение их глаза встретились, и в тот же миг взгляд художника потеплел.

– Селеста... Ну конечно же, я помню. У тебя очень красивые глаза... Такие глубокие, словно океан...

Катя зарделась. Непривычно было слышать комплимент от молодого человека, но она ни секунды не сомневалась, что эти слова были сказаны от чистого сердца.

– О Габриэль! Как же долго я тебя искала...

– Меня? – удивленно переспросил юноша. – Но зачем?

Катя замаялась.

– Просто... Я ведь даже не поблагодарила тебя. Если бы не ты, мне здорово влетело...

– О! Ну что ты, рад был помочь...

Исподволь Катя разглядывала своего нового знакомого, и не могла не отметить его болезненный вид. Тонкая практически прозрачная кожа отдавала синевой, просторная рубашка не могла скрыть необычайной худобы и изможденности, а большие слегка на выкате глаза лихорадочно блестели.

Катя в сомнении переминалась с ноги на ногу и не знала, с чего начать разговор. Она столько всего хотела ему сказать, о скольком спросить, но, когда они наконец встретились, все мысли как назло выветрились из головы.

– Скажи, – наконец осторожно поинтересовалась она, – а та картина, ну которую у тебя хотели купить... Она тебе очень дорога?

На мгновение лицо художника заволокла легкая дымка, глаза полузакрылись, а на губах мелькнула счастливая улыбка.

– О, это не просто картина, Селеста. Даже не знаю, как объяснить...

Неожиданно глаза Габриэля вспыхнули, и он порывисто схватил девочку за руку.

– А хочешь посмотреть?

Предложение было настолько неожиданным, что Катя даже растерялась. Но Габриэль по своему истолковал ее молчание, покраснел и опустил глаза.

– Прости... Наверно, тебе это неинтересно...

– Нет, нет, что ты! Очень интересно! Правда!

Габриэль воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что рядом нет никаких подозрительных лиц, быстро вытащил из-за пазухи свернутый в трубочку холст. Присев на корточки, юноша бережно разложил свое творение на камне. Катя заглянула за его плечо и чуть не вскрикнула от восторга. Перед ее глазами возникло поистине идиллическое местечко с бело-снежной будто воздушной беседкой на фоне кристальных вод небольшой теряющейся за багряным горизонтом речушки.

И хотя Катя понятия не имела, что это за место, волна теплоты и умиротворения захлестнула ее сознание, а на душе вдруг стало как-то спокойно и радостно.

– Где это?

Художник не сразу ответил на этот вопрос, но Катя молчала и, затаив дыхание, терпеливо ждала. Она догадывалась, что с этой картиной связано что-то глубоко личное. И если ее предположения верны, ничего удивительного, что художник так и не смог расстаться со своей работой. У мечты нет цены.

– Это Тихая гавань, – наконец нарушил он молчание. – Мне кажется, я был там счастлив.

Габриэль сам не заметил, как пустился в воспоминания, а Катя с трепетом внимала каждому ему слову. Судьба юноши оказалась сложной. Ему едва минуло двадцать лет, но на его долю уже выпало столько бед и испытаний, что не каждому взрослому под силу. Родителей он не знал и сколько себя помнил, скитался по разным городишкам и селениям, чужим домам и приютам. Время от времени в его памяти всплывали отголоски прошлого, чьи-то смутные лица, веселый смех и торопливые шаги. Габриэль бережно хранил все эти обрывки, которые нашли отражение в небольшом грубом полотне под названием Тихая гавань.

– Если честно, я даже не знаю, что это за место – неожиданно признался художник. – Но это все, что осталось от моего прошлого.

Габриэль закрыл глаза, и на его лице расплылась счастливая улыбка.

– Ты знаешь, я часто представляю, какой могла быть моя семья. Отец, высокий статный мужчина, неторопливо расхаживает по беседке взад-вперед и курит трубку. Он чем-то озабочен, но его лицо проясняется, едва раздастся легкий шелест юбок и стук каблучков – это мама. У нее теплые руки и лучистые глаза, а еще волосы, длинные, густые, пахнущие лавандой... Вокруг нее крутится стайка ребятишек, мои братья и сестры. Они заливисто смеются, и вот мы бежим в сад, а потом к реке...

Неожиданно Габриэль замолк и виновато покосился на сидящую рядом Катю.

– Смешно, да?

– Ничуть. Это... прекрасное воспоминание.

– Скорее, фантазия. Она слишком хороша, чтобы быть правдой. Но так или иначе, Тихая гавань – это все, что у меня есть. И пока я жив, она останется со мной.

Некоторое время Катя молча обдумывала услышанное, а затем повернула к художнику взволнованное лицо.

– Но Габриэль, послушай... Почему ты так уверен, что одинок? Вдруг твои родственники живы и до сих пор ищут тебя?

Юноша вздохнул и еле заметно покачал головой.

– Нет, Селеста. Может, я и странный, но не глупец. Мои родные отказались от меня и даже если живы, то думать забыли о каком-то там Габриэле.

Разговор принимал щекотливый оборот, и по слегка нахмуренному лбу Катя поняла, что новый знакомый не хочет его развивать. Нужно было сменить тему, и девочка не придумала ничего лучше, как спросить:

– Что же ты рисуешь сейчас?

– О, я уже давно не брал в руки кисть... Ты не подумай, мне очень хочется рисовать, каждую ночь, перед тем, как заснуть, я представляю в голове новую картину, подбираю цвета, оттенки...

– Тогда что мешает?!

– Как бы тебе объяснить... Видишь ли... мои краски. Они засохли, а чтобы купить новые, нужны деньги. Я скопил немного, но, увы, этого недостаточно.

Катя опустила голову – она могла бы и сама догадаться. Все беды художника упираются в одно – отсутствие денег, из-за этих самых бумажек не рождаются новые шедевры, чахнут и увядают прекрасные идеи. Но увы, никому нет до этого дела.

Неожиданно в голове Кати зародилась сумасшедшая идея. Надо помочь Габриэлю продать его картины! А на вырученные средства он купит краски, и продолжит дело всей своей жизни. У юноши очевидный талант, который может погибнуть, так и не раскрывшись! Нет, этого никак нельзя допустить!

– У тебя будут краски, – ободряюще улыбнулась она. – Обещаю.

Оставив Габриэля в некоторой растерянности, Катя решительно двинулась вперед.

Сотни мужчин и женщин, сосредоточенно уставившихся себе под ноги, десятки скрипящих и громыхающих по каменной мостовой телег и повозок наводнили улицы города. То и дело Кате приходилось отскакивать в сторону, уступая дорогу очередному мчащемуся на нее экипажу. Девочка долго бродила по незнакомым улочкам Вероны и с каждой минутой убеждалась – всем попадавшимся на пути людям не было никакого дела не только до каких-то там картин, но и до всего искусства в целом.

Однако Катя не сдавалась.

– Неужели в этом большом городе нет ни одного настоящего ценителя прекрасного? Перед глазами оживали длиннющие очереди в Третьяковку и небывалый ажиотаж на открытии какой-нибудь новой галереи в Москве. А ведь работы Габриэля были достойны того, чтобы оказаться в самых лучших музеях и залах мира. Оставалось дело за малым – найти человека, хоть более-менее смыслящего в живописи и показать ему картины. И тогда перед Габриэлем

откроется совсем другая жизнь – яркая, восхитительная, та, которую он действительно заслужил.

Катя бестолково кружила по узким улочкам, время неумолимо близилось к обеду, ноги болели, хотелось есть, но, увы, она ни на йоту не приблизилась к вожаемой цели.

На все ее робкие попытки рассказать о картинах неизвестного, но очень талантливого художника, люди в лучшем случае смеялись, а в худшем взащей выгоняли на улицу.

– Нечего тут шляться, – пробасил один весьма недружелюбно настроенный хозяин лавки, в которую девочка принесла картины Габриэля. – Сама бездельничает, и другим работать не дает.

Катино лицо залила краска. Слышать подобное было неприятно, но с этим фактом нельзя было не согласиться. С того момента, как она ушла от тетки Агаты, девочка действительно ничем не занималась, а жить на что-то было нужно.

День был в самом разгаре, картины мертвым грузом тянули ей руку, а настроение было хуже некуда. Картины Габриэля никому не нужны, а деньги катастрофически подходили к концу. И если юноша привык влачить нищенское существование, то Катю такое положение вещей категорически не устраивало.

– Раз так, значит нужно найти работу! – решила она.

Но одно дело сказать, а совсем другое – эту самую работу найти. Девочка уже было упала духом и стала подумывать о том, что возможно, стоит вернуться к тете Агате и попробовать торговать на рынке, как ноги сами вывели ее к небольшой лавчонке. У входа красовалось несколько платьев замысловатого фасона, обильно украшенные перьями и переливающимися камнями. Пока Катя гадала, кому же предназначалось подобное великолепие, как на пороге неслышно появился хозяин – невысокий щуплый мужчина с маленькой козлиной бородкой. Некоторое время он молча изучал девочку, а затем сделал несколько шагов вперед.

– Нравится? – тихо поинтересовался он.

Катя резко обернулась, замялась, но утвердительно кивнула головой.

– Любит наш народ праздники, ничего не скажешь! – тем временем продолжал незнакомец. – Помнится, в былые годы столько работы было, все ночи напролет с иглой просиживал!

– Ночи? – удивленно переспросила Катя. – Не может быть!

– Еще как может! Кому ж не хочется на карнавал сходить!!!

Девочка замерла, а ее губы непроизвольно растянулись в улыбке. Карнавал! Ну конечно же! Время масок и невероятных нарядов, время, когда нет ни бедных, ни богатых, и любой бродяга, скрыв свое лицо, мог запросто побеседовать с самим герцогом, а простой белошвейке под силу вскружить голову какому-нибудь вельможе. Время, когда жизнь Габриэля может измениться раз и навсегда! И она будет не она, если не воспользуется этим подарком судьбы.

Катя напряженно обдумывала услышанное, как вдруг ее осенило.

– Послушайте, сеньор, а может, вам помощники нужны? – торопливо поинтересовалась она. – Мы с... э... братом странствуем, родных нет, так что готовы на любую работу!

– Вот как... А что делать умеете?

– Я шить могу. А брат у меня художник, очень талантливый, – взгляд Кати невзначай остановился на сваленных в беспорядке заготовках карнавальных масок. – Он вам такие картины напишет, что люди со всей округи съезжаться будут!

Девочка сама не ожидала от себя такой прыти, но так или иначе ей удалось заинтересовать хозяина лавки.

– Эх, да я бы с радостью, но вот беда – платить мне нечем. Сам с трудом перебиваюсь.

Но Катя была готова цепляться за любую соломинку.

– Ничего страшного, нам много не надо. Крышу над головой да кусок хлеба. А уж когда заказы сдадите, там и рассчитаемся!

Мужчина ухмыльнулся, и обдал девочку долгим изучающим взглядом.

– А ты, я смотрю, девица не промах! Молодец! Ну что ж, решено, добро пожаловать в мастерскую Бартолло!

## Глава 3

### Маска, кто ты?

Ежегодные карнавалы, собирающие тысячи и тысячи людей из самых разных уголков планеты, давно уже стали визитной карточкой Италии. На пару недель привычная жизнь преобразуется и начинает искриться тысячами разноцветных огней. На карнавале нет ничего невозможного, одна небольшая маска, и ты уже не ты. Чужой наряд, чужая жизнь, и вот обычный ремесленник расправляет плечи и гордо вскидывает голову в завитом парике, а уставший от почестей и лесты герцог облачается в лохмотья странствующего музыканта. Катя боялась признаться даже самой себе, но в глубине души надеялась, что в скором времени ей удастся невозможное – доказать всем, что работы художника Габриэля – это не просто мазня, а образцы чудесной живописи. И предстоящий карнавал оказался весьма кстати.

Работа у Бартолло, а именно так звали приютившего их портного, обеспечила Кате и Габриэлю не только пропитание, но и вполне осязаемую надежду на улучшение своей участи. Когда девочка сообщила своему другу неожиданную новость, удивлению юноши не было предела.

– Нашла работу? Ты серьезно?

– Совершенно! Причем не только работу, но и крышу над головой, – улыбаясь, подтвердила Катя. – Ты же не хочешь ночевать на открытом воздухе?

Молодой человек неожиданно покраснел и стыдливо опустил глаза, а Катя нахмурилась. По всей видимости, такое случалось нередко, и ее необдуманные слова всколыхнули не самые приятные воспоминания.

– Но больше я этого не допущу! – еле слышно пробормотала она и порывисто схватила художника за руку. – Пошли! Нас ждут великие дела!

– Так уж и великие?

– Конечно! Или думаешь, расписывать карнавальные маски – это ерунда какая-то? – хитро подмигнула Катя. – Понимаю, это не предел твоих мечтаний, но на первое время – вполне достойная работа. И самое главное – с этого дня твоя жизнь изменится к лучшему!

Смущенная улыбка блуждала по лицу Габриэля, словно юноша все еще не мог поверить свалившемуся на него счастью.

– О, Селеста! Это чудесно! Даже не знаю, как тебя благодарить...

– Не стоит! Просто однажды ты мне помог, и я этого не забыла.

Мастерская Бартолло представляла собой тесное полуподвальное помещение с одним небольшим оконцем. Внутри было пыльно, в углу валялся сломанный стул и ворох обрезков ткани. Все говорило о том, что заказов у портного, прямо скажем, немного и большую часть своего времени мужчина вынужден проводить без дела. Однако с появлением двух незнакомцев все изменилось.

Стоило юноше расписать первую пробную маску и показать ее портному, как Бартолло пришел в неописуемый восторг.

– Мама миа! Да ведь это целая картина!

– Ну что вы! – смущенно пожимал плечами Габриэль. – Всего лишь небольшая зарисовка...

Но мужчина лишь махал руками и не сводил с маски восхищенных глаз.

– Да у вас талант, мой мальчик! Определенно, талант!

Уже через четверть часа расписанная маска красовалась на двери мастерской. По правде говоря, Катя не рассчитывала, что способности Габриэля оценят так быстро, но спать она легла в предвкушении чуда. И оно не заставило ее ждать.

На следующее утро, едва рассвело, в мастерской появился Бартолло собственной персоной. В руках он сжимал огромный холщовый мешок, а глаза светились от счастья.

– Что это? – удивленно переглянулись ребята.

– Очередной заказ, мои дорогие! Очередной заказ! И знаете от кого? От самого мэра!

– Мэра?

– Именно! Я тоже сначала не поверил, но это правда! Вчерашнюю маску купили, едва я выставил ее на двери! И вот результат! Уже сам мэр заинтересовался моей мастерской! А это, знаете ли, большая удача! Каждый год в дни карнавала у него проходит большой прием, человек на 200 не меньше, где присутствуют самые именитые и состоятельные гости! Бончелли, Карлоне, Фарнезе!

Кате показалось, что она ослышалась.

– Как вы сказали?

– Я сказал, моя девочка, что у нас впереди прекрасные времена!

– Нет, нет, я не об этом! Какую фамилию вы только что назвали?

– Селеста, ты меня удивляешь! Герцог Фарнезе! Неужели ты о нем ничего не слышала?!

Катя нахмурилась.

– Слышала, – задумчиво протянула она. – И похоже даже встречалась...

– С самим Фарнезе? Вот так удача!

Девочка благоразумно промолчала и не стала вдаваться в подробности этой встречи. Однако, как только за Бартолло закрылась дверь, она отбросила маски и забилась в самый дальний угол. Внезапная перемена настроения не укрылась от глаз ее друга.

– Селеста, что с тобой? Ты расстроена?

Катя криво усмехнулась.

– Нет, ну что ты, со мной все в порядке. Просто не думала, что опять услышу это имя!

– Ты о Фарнезе? – догадался художник. – Постой... А не тот ли это всадник, по чьей милости у тебя потоптали весь товар...

– ... и обозвали маленькой дрянью... Да, Габриэль, это он, и клянусь, он еще об этом пожалеет!

Дела в мастерской шли в гору. Бартолло и его помощникам приходилось крутиться с раннего утра до позднего вечера. Но наличие работы лишь радовало – Габриэль наконец-то смог купить новые краски, кисти и холст для будущих картин. Окрыленный юноша часами сидел над карнавальными масками и скрупулезно выводил каждый листик, каждую завитушку. Что и сказать, его работы можно было назвать поистине произведениями искусства. Неумолимая фантазия подкидывала все новые и новые образы, отчего в постоянно пополнявшейся коллекции не было ни одной похожей на другие маски. Пейзажи, спелые фрукты, изящные цветы, чьи лепестки, буквально трепетали на ветру... Казалось, Габриэлю было под силу вдохнуть жизнь в любой, даже самый незатейливый орнамент.

Весть об удивительном мастере тут же распространилась по городу, и вскоре от желающих приобрести уникальную маску не было отбоя.

Кате тоже было чем заняться. Вслед за масками стали поступать заказы на карнавные наряды. Швеей из нее была не ахти, и девочка занялась украшением уже готовых платьев и костюмов. В конце концов, карнавал на носу, и в обычном одеянии там делать нечего. На радость девочки у Бартолло были целые сундуки с разнообразной тесьмой, кружевами, атласными лентами всех цветов и оттенков. А уж какие ткани хранились в закромах портного! При виде всего этого богатства, сердце учащено билось, и руки сами хватались за дело.

Так незаметно пролетела неделя. Внезапно упорядоченную жизнь мастерской прервал неожиданный случай.

Как-то раз, когда Катя принялась за уборку, дверь мастерской со скрипом отворилась. Девочка повернула голову и увидела, как в помещение вплыла высокая статная женщина с орлиным носом и пронзительными глазами. Пышное черное платье и надвинутая на глаза маленькая шляпка с вуалью придавали образу строгости и некоторой таинственности.

Презрительно оглядевшись по сторонам, вошедшая недовольно фыркнула:

– Бог мой, какой свинарник!

Заметив Катю, женщина вздохнула и повелительно махнула рукой.

– Эй ты, подойди!

Девочка нахмурилась – откуда только взялась эта неприятная особа? Она видела ее впервые в жизни, но интуиция подсказывала, что ее появление обернется для мастерской большими проблемами.

– Да, не стоило было слушать Диану, – тем временем продолжала посетительница. – Я страшно разочарована! Да здесь не то что платье, мешок не сошьют!

Катя почувствовала, как краска заливает ее лицо.

– А вот и нет! – запальчиво воскликнула она. – Бартолло – прекрасный портной, на него еще никто не жаловался.

– Значит, я буду первая! – процедила женщина и невидящим взором уставилась на девочку.

По всей видимости, в голове посетительницы никак не укладывалась, как эта, вне всякого сомнения, прислуга могла ей перечить.

Обстановка накалялась, и неизвестно чем закончилось их общение, если бы не раздавшийся шорох. В мастерской возник Бартолло.

– Госпожа патронесса! – елеиным голосом прошелестел он и склонился в низком поклоне. – Какая честь видеть вас в моем скромном жилище!

Женщина фыркнула, но лесть возымела свое действие – глаза посетительницы больше не метали молнии.

– Итак, – продолжал Бартолло. – Чем могу служить?!

– Собственно говоря, мне нужно платье... Да такое, чтобы ни у кого не было!

– Не сомневайтесь, сеньора! Я вас не разочарую.

– Очень на это надеюсь! Срок – до завтра, вам ясно?

По побелевшим от напряжения пальцам портного, Катя поняла, что эти требования невыполнимы, но мужчина был готов на все, лишь бы удержать богатую заказчицу.

– Более чем.

Быстро сняв мерки и проводив даму до двери, Бартолло как ужаленный принялся носиться по своей мастерской. Виданное ли дело – сшить платье за одни сутки, но он отчаянно нуждался в деньгах, и потому согласился на все требования патронессы.

Катя помогала как могла: подносила ткани, наматывала воланы, разглаживала смявшиеся края, и через несколько часов уже валилась с ног от усталости. Тогда как работы было еще невпроворот.

Увидев слипающиеся глаза своей помощницы, Бартолло решительно дернул ее за рукав.

– Ложись спать, Селеста. Дальше я сам.

– Сам? Но вы же не успеете!

– Успею, – улыбнулся портной. – Вся ночь впереди.

Катя так устала, что спорить не было никаких сил, да и собственно, чем она еще могла облегчить его труд? Шить наряд для патронессы Бартолло не доверил бы никому.

Кате казалось, что она лишь на мгновение закрыла глаза, как вдруг резкий стук вернул ее к действительности. Девочка удивленно хлопала глазами, нет, ей не показалось, шум явственно исходил от входной двери.

– И кого там нелегкая принесла? – удивилась Катя, но поспешила открыть.

Каково же было ее удивление, когда на пороге возникла разряженная в пух и прах патронесса. Не удостоив девочку даже взглядом, дама отпихнула ее с дороги и величаво вплыла в мастерскую.

– Ну что, где мой заказ? – как ни в чем не бывало поинтересовалась она.

Катя опешила и скосила глаза на часы – восемь утра, то есть с момента последнего появления заказчицы прошло от силы часов двенадцать.

– Вы издеваетесь? – чуть было не слетело с ее уст, но девочка благоразумно прикусила язык.

– Одну минуту, патронесса, – вежливо ответила она, – Бартолло сейчас освободится.

Но женщине такой ответ явно не понравился.

– Что значит «освободится»? Или он забыл, с кем имеет дело?! Да одно мое слово, и его вышвырнут из города как паршивую собаку! Немедленно зови сюда, и горе ему, если платье мне не понравится!

Катя покраснела и хотела было ответить, как за спиной послышался тихий шорох. Девочка обернулась – в мастерской появился Бартолло. От непрерывной работы его глаза покраснели, а руки слегка дрожали.

Неужели успел, поразились Катя, а заказчица быстро выхватила платье из рук еле державшегося на ногах портного.

– Ну-ка, посмотрим, посмотрим, – начала было патронесса, как вдруг ее лицо окаменело.

– Что это такое? – ледяным тоном поинтересовалась она.

Бартолло непонимающе захлопал ресницами.

– Ваше платье, сеньора!

– Платье? Это? Ты в своем уме? Да самая древняя старуха не наденет на себя это убожество!

Портной побледнел – он не спал целую ночь, стараясь угодить высокородной клиентке, но все оказалось напрасно. Патронесса ничуть не оценила его усилий, напротив новое платье вызывало в ней негодование и нескрываемую злобу.

– Вы только посмотрите на это чучело! Возмнил себя невесть кем да еще потешается над господами! Эй, слуги, сжечь этот свинарник!

Бедный Бартолло затрясся как осиновый лист, упал на колени и молитвенно сложил руки на груди.

– Умоляю, пощадите, я сейчас все исправлю!

– Прочь, собака!

– Нет, нет, смилуйтесь, эта мастерская – все, что у меня есть!

Но патронесса не желала ничего слушать и швырнула платье в угол, а на лестнице тем временем послышался приближающийся топот.

Катю затрясло от возмущения. Времени на раздумья не было – не пройдет и пяти минут, как они лишатся своего дома и последней надежды на лучшее.

Воспользовавшись тем, что на нее никто не смотрит, Катя метнулась в сторону, схватила злосчастное платье и ринулась к столу. Девочка совершенно не представляла, что делать, но сдаваться явно не собиралась.

Глаза Кати оценивающе оглядывали лежащее перед ней платье из темно-синей парчи с пышной юбкой и изящными кружевами в тон. Наряд получился в высшей степени изящным и элегантным, но, увы, патронесса думала иначе. Времени за создание другого платья, разумеется, не было, а по бледному без единой кровинки лицу Бартолло было понятно, что он уже прощается не только со своей мастерской, но и с жизнью.

Внезапно на девочку накатила такая волна протеста, что руки сами потянулись к огромным портняжным ножницам. В мгновение Катя нещадно изрезала весь подол юбки, в резуль-

тате чего он превратился в длинную бахрому. Еще несколько торопливых движений – и на лифе платья появилась целая россыпь нелепых атласных бантиков разных цветов.

– Ну ты у меня попляшешь! – мстительно прошипела Катя и выхватила из кармана своего верного спутника и друга – серебряный гребень с сапфиром.

Идея использовать бабушкин подарок пришла ей в голову совершенно случайно и поначалу казалась совершенно сумасшедшей. Но Катя вспоминала презрительный взгляд и брезгливо поджатые губки клиентки, и снова и снова убеждалась в правильности своего решения.

– Должен же хоть кто-то поставить ее на место! И потом, дамочка сама хотела потрясающее платье. А раз так – она его получит!

Молниеносным движением она провела гребнем по платью, сапфир вспыхнул ярким светом, а через мгновение все исчезло.

Внезапно за спиной послышался шорох – Катя обернулась и встретилась с озадаченными глазами неслышно появившегося рядом Габриеля.

– Селеста, опомнись! Что ты творишь?!!

– Спасая нас и мастерскую!

– Ты и вправду полагаешь, что ей это понравится?

– Понравится, вот увидишь! – тряхнула головой Катя и решительно сгребла со стола свое творение. – Зуб даю!

Разумеется, Габриэль совершенно не понял, причем тут какой-то зуб, но времени объяснять не было.

Пока она колдовала над платьем, слуги патронессы схватили стонущего Бартолло под руки и поволокли его на улицу. Одному богу известно, что за участь ему была уготована, но Катя оказалась начеку.

– Подождите! Постойте, вот ваше платье!

Патронесса резко обернулась, и ее глаза потемнели.

– Да как ты смеешь, дерзкая девчонка!

Внезапно взгляд женщины упал на наряд, и тут случилось необъяснимое.

– О, какая прелесть! – воскликнула она и быстрым шагом направилась к девочке. – А ну-ка дай сюда, я примерю!

Время, пока патронесса облачалась в шутовской наряд, показалось Кате и Бартолло вечностью. Портной ничуть не сомневался, что теперь уж его точно растерзают, а Катя в душе молилась, чтобы гребень не подвел.

И ее молитвы были услышаны. Когда патронесса снова появилась, на ее лице играла счастливая улыбка.

– Вы только посмотрите, какая красота! – пропела она и гордо подбоченилась. – Совсем другое дело!

При виде этого великолепия слуги патронессы покраснели как раки, а на лице Бартолло отразилась неподдельная растерянность. Он глупо переводил глаза с довольной клиентки на чуть не лопающуюся от смеха Катю и никак не мог взять в толк, что же происходит.

– Вам действительно нравится? – осторожно поинтересовался он.

– Ну разумеется! – как ни в чем не бывало отозвалась патронесса. – Всю жизнь мечтала носить нечто подобное! Да вы настоящий волшебник, сеньор Бартолло!

На портного было жалко смотреть. Видимо, он решил, что сходит с ума, раз этот ужас может кому-то понравиться. Разумеется, мужчина не подозревал о существовании серебряного гребня с сапфиром, и потому принимал все происходящее за чистую монету.

А тем временем патронесса как заведенная крутилась около зеркал, оглядывала напаянное на нее недоразумение и просто задыхалась от восторга.

– Ну сеньор Бартолло, принимайте заказ! Еще дюжину таких же платьев!

И не дав портному прийти в себя, женщина вручила тому увесистый мешок с золотыми монетами.

– Это на первые расходы, а если успеете к концу недели – получите втрое больше!

В ответ мужчина промышчал что-то невразумительное, боясь лишней раз шелхнуть, чтобы не спугнуть этот, вне всякого сомнения, чудесный сон. Тем не менее, монеты были настоящими, и по самым скромным подсчетам могли обеспечить их владельцу несколько недель безбедного существования.

Когда же за патронессой, наконец, закрылась дверь, Бартолло смахнул со лба выступившие капли пота и дикими глазами уставился на Катю.

– Что это было?!!

– Временное помутнение рассудка! – усмехнулась девочка. – Но за него, как оказывается, неплохо платят!

Тем временем неумолимо приближалось значимое и особо любимое празднество всех жителей Италии – карнавал.

С самого раннего утра толпы народа наводнили узкие улочки Вероны и, весело смеясь, двинулись на центральную площадь. Карнавал обещал быть особенно пышным и ярким.

Не последняя заслуга в этом принадлежала мастерской портного Бартолло, у которого в последние дни не было ни единой свободной минутки. Заказы на карнавальные маски и костюмы сыпались как из рога изобилия, а после случая с патронессой от клиентов и вовсе не было отбоя.

Все были заинтригованы, как сеньору Бартолло удалось продать патронессе, известной своими непомерными требованиями, разодранное в клочья платье. Мужчина и сам этого не знал, но по наущению Кати делал важное лицо и многозначительно улыбался.

– Мне вас сам бог послал, – любил он повторять в редкие минуты, когда они оставались вдвоем. – Я точно знаю!

В благодарность за те перемены, которые внесли в его жизнь случайные прохожие, портной, несмотря на свою занятость, решил и Кате сшить праздничное платье.

– Ты будешь в нем самая красивая!

Несмотря на отчаянные протесты, Бартолло сдержал обещание и накануне карнавала с загадочным видом поманил девочку к себе. При виде наряда Катя не смогла сдержать восхищенного вскрика. Платье и вправду поражало воображение, казалось, что мастер превзошел сам себя. Ласкающий кожу шелк, гирлянды кружева и лент, бесчисленные пышные юбки...

Затаив дыхание, девочка разглядывала представшее перед ней великолепие и не могла поверить, что все это – для нее. Катя догадывалась, что портной работал урывками, большей частью по ночам, и тем ценнее для нее стал этот подарок.

– О Бартолло! Это восхитительно! Право, я его не заслужила!

– Еще как заслужила! И потому завтра ты будешь настоящей королевой!

Поначалу Катя сомневалась, стоит ли облачаться в столь пышный наряд, но потом решила, что это даже к лучшему. На карнавальные дни у девочки были свои планы – ей нужно непременно попасть на прием мэра. По словам Бартолло, именно там собираются самые важные и солидные люди этих земель, а значит, шансы пристроить работы Габриэля увеличиваются в разы.

– Надеюсь, хоть там найдутся настоящие ценители прекрасного!

На площади перед домом мэра, одним из самых красивых зданий города, яблоку негде было упасть. Бал у градоначальника по праву считался вторым по значимости событием в жизни горожан после собственно самого карнавала.

Большинству толпящимся здесь зевакам и мечтать не приходилось, чтобы своими глазами увидеть происходящее за закрытыми дверями действо. Но все они не теряли надежды хоть глазком взглянуть на подъезжающих гостей и хотя бы на минутку прикоснуться к этому недостижимому миру роскоши и богатства.

А деньги, как известно, могут все. Ну если и не все, то весьма многое. И для большинства гостей мэра эти самые деньги давно уже превратились в некоего божка, которому они неистово молились.

Лишь одна гостья, медленно приближающаяся к гостеприимно размахнутым воротам, думала иначе. Несмотря на пышное поистине королевское платье и сложную, заколотую старинным гребнем прическу. Съезжавшиеся со всех сторон приглашенные дамы с нескрываемой завистью следили за тоненькой фигуркой незнакомки и терялись в догадках, кто же это может быть.

А Катя нервничала не на шутку. Одно дело появиться на карнавале, среди десятков чужих людей, которым нет до тебя никакого дела. А совсем другое – пробраться на прием мэра. Здесь красивого платья и очаровательной улыбки будет явно недостаточно. И Катины опасения не преминули сбыться.

Едва девочка достигла ворот и, гордо вскинув голову, с невозмутимым видом прошествовала мимо вытянувшегося по струнке швейцара, как вдруг...

– О сеньорита! Прошу прощения, у вас есть приглашение?

Катя почувствовала, как неприятный холодок пробежал по ее спине. Разумеется, никакого приглашения у нее не было, и в круговерти последних дней она ни разу не задумалась об этой маленькой, но столь важной детали.

Медленно, изо всех сил стараясь сохранять на лице видимое спокойствие, девочка повернулась и встретила пристальным взглядом остановившего ее мужчины.

Как же она могла быть такой наивной! Несомненно, у мэра есть охрана, и услужливый мозг уже рисовал перед девочкой малоприятные картины. Сейчас откуда ни возьмись выскочат несколько здоровенных бугаев, и вся ее операция с треском провалится. А дальше...

Катя судорожно вздохнула и мотнула головой. Нет, она так просто не сдастся. За время своих приключений из каких только переделок не приходилось выпутываться... Выпутается и сейчас.

– Э... ну разумеется, – отрывисто сообщила она и обдала швейцара ледяным взглядом. – А вы, уважаемый, ведете себя непозволительно дерзко!

Катя отчаянно блефовала и в душе молилась, чтобы ее уловка удалась. От этого выпада швейцар смешался, занервничал, однако, отступить не собирался.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.